

БЕРНХАРД ШЛИНК

Ольга

Впервые на русском
новый роман
Бернхарда Шлинка,
лучший со времен
«Чтеца»

Большой роман

Бернхард Шлинк

Ольга

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Шлинк Б.

Ольга / Б. Шлинк — «Азбука-Аттикус», 2018 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-15825-2

Новый роман Бернхарда Шлинка «Ольга» рассказывает о жизни и любви женщины, вынужденной идти против предрассудков своего времени, и мужчины, ослепленного мечтами о величии и власти. Их редкие встречи на краю пропасти, куда вскоре должен был обрушиться весь мир, дали начало новой жизни и новой легенде. Ей суждено было пройти сквозь годы великих потрясений, чтобы воскреснуть в письмах, мечтах и воспоминаниях, где все ошибки будут исправлены, а вина — прощена и забыта. Впервые на русском!

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-15825-2

© Шлинк Б., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	17
8	20
9	22
10	24
11	26
12	28
13	30
14	32
15	34
16	36
17	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Бернхард Шлинк

Ольга

Bernhard Schlink
OLGA

© Г. В. Снежинская, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Часть первая

1

«Хлопот с нею немного – ей бы только стоять где-нибудь да вокруг глядеть».

Соседка, которой мать оставляла свою дочку, сначала не поверила. Но так и оказалось! Годовалая девочка встала в кухне и начала разглядывать по порядку все, что там было: стол и четыре стула, буфет, плиту, сковородки на ней, над плитой черпаки, дальше – мойку, она же умывальник с зеркальцем на стене, окно, занавески, наконец, лампу под потолком. Потом она сделала один шагок, другой и остановилась в раскрытых дверях спальни. Она так же неторопливо по очереди осмотрела все, что было там: кровать, тумбочку, шкаф, комод, окно, занавески и, наверху, лампу. Она смотрела с интересом, хотя квартира у соседки была в точности такая же и так же обставлена, как у родителей девочки. Решив, что малышка уже все осмотрела, да и много ли тут в двухкомнатной увидишь, даже уборная не в квартире, а отдельно, на лестничной площадке, соседка поставила девочку на стул возле окна.

Квартал этот был кварталом бедняков, за высокими домами были замкнутые со всех сторон темноватые задние двory, и в них вторым рядом громоздились еще дома. На узкой, плотно застроенной улице сновали прохожие, проезжали трамваи и повозки, с которых продавали картошку, зелень и овощи, туда-сюда бродили люди, мужчины и женщины, с лотками на перекинутом через плечо ремне, – они торговали вразнос всякой мелочью, сигаретами и спичками, в толпе шныряли мальчишки, они продавали газеты, и женщины, они продавали себя. На перекрестках стояли мужчины, ждали, не подвернется ли дело, хоть какое. Каждые десять минут по рельсам бежала конка, впереди две лошади, тянувшие вагончик, и девочка хлопала в ладоши.

Став постарше, девочка по-прежнему любила стоять где-нибудь и смотреть по сторонам. Не потому, что ножки плохо ее слушались, – ходила она хорошо и уверенно. Но ей хотелось видеть и понимать, что и как делается вокруг. Родители почти не разговаривали ни между собой, ни с дочкой. Словам и понятиям девочка научилась благодаря соседке. Та любила поговорить. Когда-то она упала, покалечилась и с тех пор не работала; она часто оставалась приглядывать за девочкой, когда мать была занята. Выходя с девочкой погулять, соседка еле брела, то и дело останавливаясь передохнуть. Зато она говорила обо всем, что они видели вокруг, объясняла, учила, и девочка слушала жадно, а медлительность соседки и частые остановки ей даже нравились.

Соседка часто думала, что девочке надо бы побольше играть с другими детьми. Но в сумрачных дворах и на лестничных клетках царили суровые порядки, там спуску никому не давали: чтобы с тобой считались, нужно было уметь постоять за себя, нужно было бороться, а кто не боролся, того все шпыняли и обижали. Игры детей были не столько забавой, сколько подготовкой к будущей жизненной борьбе. Девочка не была ни робкой, ни слабенькой. Просто она не любила эти игры.

Читать и писать она научилась еще до школы. Сперва соседка не хотела ее учить: ведь потом в школе девочке будет скучно. Но все-таки научила, и девочка читала книжки, которые нашлись у соседки, – «Сказки» братьев Гримм, «Сто пятьдесят нравоучительных рассказов для маленьких детей» Франца Гофмана, «Судьбу куклы Вундерхольд»¹ и «Петера Неряху»². Она подолгу читала стоя, у буфета или у подоконника.

¹ Сказочная история Антонии Космар (1806–1870) – переложение французской сказки Луизы Д’Олне. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Но и не умея она читать и писать, в школе ей все равно было бы скучно. Учитель, стуча указкой, вдалбливал в головенки сорока первоклассниц алфавит, букву за буквой, как эти буквы пишутся, как читаются, и все надо было повторять вслух, хором, это нагоняло тоску. А вот счету девочка училась с удовольствием – потом ведь пригодится, чтобы в лавках проверять продавцов, и петь она любила, а на уроках по истории родного края учитель водил класс на экскурсии, и девочка много узнала о городе Бреслау и его окрестностях.

² Сказка в стихах немецкого врача-психиатра Генриха Гофмана (1809–1894), написанная им для маленького сына; в России известна в анонимном переводе 1849 г. как «Степка-растрепка».

2

Узнала она и то, что ее окружает бедность. Школьное здание, новое, из красного кирпича, с пилястрами и карнизами из желтого песчаника, было самым красивым в квартале, притом что другие дома вовсе не были неказисты. Школа это школа. Но вот когда девочка увидела импозантные жилые дома на широких улицах, окруженные садами виллы, пышные общественные здания, просторные площади и зеленые скверы, когда заметила, насколько легче ей дышится на набережных и мостах, она поняла, что в ее квартале живет беднота и что сама она тоже беднячка.

Отец девочки был портовым грузчиком и, когда работы в порту не было, сидел дома. Мать девочки была прачкой, обстирывала приличных людей, она приходила в хорошие дома, забирала белье и, завязав в объемистый узел, на голове несла его домой, потом, уже выстиранное и выглаженное, она аккуратно складывала белье стопкой, заворачивала в чистую простыню и, опять же примостив на голове, относила по адресу. От заказов отбоя не было, но платили за стирку гроши.

Однажды, проработав на погрузке угля несколько суток подряд совсем без сна и без отдыха, отец слег. Головная боль, головокружение, озноб – мама делала ему холодные компрессы на лоб и на икры. Через день, увидев красную сыпь у него на груди и животе, испугалась и побежала за врачом, тут у нее самой началось головокружение и лихорадка, врач поставил диагноз – сыпной тиф и отправил обоих в больницу. С девочкой они попрощались наспех.

Больше она родителей не видела. Посетить их в больнице не разрешили из-за опасности заражения. Соседка, которая на это время взяла девочку к себе, все говорила, мол, вернутся твои родители, но через неделю умер отец, а через десять дней и мать. Девочка с радостью осталась бы у соседки, и соседка с радостью оставила бы ее у себя. Однако бабушка с отцовской стороны решила забрать внучку к себе в Померанию.

Уже в те дни, когда бабушка хлопотала, занимаясь похоронами, продажей домашнего скарба, и забирала из школы документы внучки, отношения у них не заладились. Ведь бабушка не одобряла выбор сына и с самого начала невзлюбила невестку. Гордясь своей немецкой кровью, она считала Ольгу Новак неподходящей супругой для своего сына, пусть даже Ольга и свободно говорила по-немецки. Бабушка была недовольна и тем, что девочку тоже назвали Ольгой. Теперь, когда дитя под ее опекой, решила бабка, нужно подобрать внучке немецкое имя вместо славянского.

Но внучка воспротивилась. Когда бабка пыталась растолковать ей, почему немецкое имя лучше, чем славянское, Ольга смотрела на нее пустыми глазами. Когда бабка стала предлагать ей на выбор разные немецкие имена, хорошие по ее мнению, от Эдельтруды до Хильдегарды, ни одно из них Ольга не захотела взять себе. Когда же бабка объявила: все, мол, хватит, отныне Ольга не Ольга, а Хельга, то есть зовут ее почти так же, как раньше, девочка скрестила руки на груди, замолчала, на имя Хельга не отзывалась, вообще никак не реагировала. Так, в молчании, они доехали поездом из Бреслау в Померанию, так провели и первые дни по приезде. Потом бабушка сдалась. Но Ольгу с тех пор считала упрямым, невоспитанным, неблагодарным ребенком.

На новом месте все для Ольги было чужим: ведь после большого города она оказалась в маленькой деревне, вокруг которой простиралась широкая равнина; после школы для девочек, где было много классов, она попала в школу со смешанным обучением, да еще и помещалась вся эта школа в одной комнате; раньше вокруг были бойкие силезцы – теперь степенные поморяне, раньше у нее была добродушная соседка – теперь суровая бабушка; раньше она могла сколько угодно читать – теперь ей приходилось работать в поле и в саду. Она покорились, дети бедняков с малолетства приучаются к покорности. Но она ждала от жизни большего, чем дру-

гие дети, хотела больше знать, больше уметь, большему научиться. У бабушки не было ни книг, ни пианино, и Ольга донимала просьбами школьного учителя, пока он не стал давать ей книги из своей домашней библиотеки, и органиста деревенской церкви, пока тот не показал ей, как играют на органе, и не разрешил приходить и заниматься. Как-то раз на занятиях для готовящихся к конфирмации пастор неодобрительно упомянул о книге Давида Фридриха Штрауса «Жизнь Иисуса»³, – так Ольга и пастора упросила принести ей эту книгу.

Она всегда была одна. В деревне дети меньше играли, чем в городе, так как должны были работать. А когда они играли, то грубостей и тут хватало, однако Ольга сумела постоять за себя. Но она не стала по-настоящему своей среди них. Ее влекло к другим детям, которые тоже были не из этой компании. И такого друга она нашла. Он тоже был не такой, как все. С самого раннего детства.

³ Двухтомный труд немецкого философа, теолога и публициста Давида Фридриха Штрауса (1808–1874) «Жизнь Иисуса» (1835) произвел чрезвычайно сильное впечатление и на богословов, и на публику, хотя написан трудным для неспециалистов языком. Согласно Штраусу, Евангелия несут в себе элементы ненамеренного мифотворчества, возникшего после смерти Иисуса. Штраус признает существование Бога как источника природных законов, что исключает признание чуда как враждебного законам природы, а значит, и воле Бога. Книга вызвала ожесточенную полемику, была одним из толчков к разделению школы Гегеля на правых и левых гегельянцев; она же послужила исходным пунктом для создания тюрингенской философской школы, а также навлекла гонения на своего автора.

3

Едва встав на ножки, он, малыш, устремился куда-то идти. Ему не нравилось ходить, это было слишком медленно, один шаг, потом другой. Не успев поставить одну ногу, он уже спешил сделать следующий шаг и падал. Он вставал, делал шаг и еще один, но так медленно он не мог и опять торопился со следующим шагом, толком не сделав первого, и опять падал. Вставал, и падал, и опять вставал – он нетерпеливо, упрямо повторял то же самое снова и снова. «Не хочет шагом идти, – думала мать, глядя на сына, – ему бы только бежать», – и качала головой.

И, даже усвоив, что прежде, чем шагнуть второй раз, надо закончить первый шаг, он все равно не хотел ходить спокойно. Он топотал, быстро-быстро перебирая ногами, вскоре родители стали водить его на помочах – это было модно, и часто смеялись, глядя, как их малыш на прогулке бежит трусцой, точно маленький пони. Но родителей смущало то, что другие дети все же лучше ходят «в упряжке», чем их сын.

В три года он бегал вовсю. Он носился по просторному дому, где было три этажа и два чердака, по длинным коридорам, по лестницам, по анфиладам комнат, с разгону выбегал на террасу, мчался через парк, из парка бежал в поля и лес. Когда его отдали в школу, он всю дорогу от дома до школы пробегал бегом. Не потому, что поздно просыпался или долго возился с чисткой зубов и прочим и боялся опоздать на урок. Просто ему нравилось бегать, а ходить шагом он не любил.

Вначале вместе с ним бегали и другие дети. Его отец был самым богатым человеком во всей деревне, и многие семьи имели заработок и хлеб благодаря тому, что он давал им работу у себя в поместье, он также улаживал споры, оказывал поддержку церкви и школе, во время выборов следил, чтобы мужчины правильно выбирали. Поэтому деревенские дети с уважением смотрели на его сына и во всем брали с него пример, однако почтительность, которую проявлял к нему учитель, а также то, что манеры, речь и одежда у него были совсем другие, – все это выделяло его среди них как чужака. Может быть, дети с радостью подчинились бы ему всей ватагой, пожелай он стать их предводителем. Но ему это было неинтересно, причем не от самомнения, а потому, что такая уж у него была своевольная натура. Пусть другие играют в свои игры – у него есть свои. Ему не нужны были никакие товарищи. И уж тем более для того, чтобы бегать!

Когда ему исполнилось семь лет, родители подарили ему на день рождения щенка. Они, англomаны, восхищались королевой Викторией, вдовой императора Фридриха⁴, потому и выбрали для подарка бордер-колли, английскую пастушью собаку, – пусть бегаёт вместе с мальчиком и охраняет его, решили родители. Пес и бегал – всегда впереди их сына, часто оглядываясь и безошибочно угадывая, в какую сторону тот направляется.

Они носились по дорогам и полевым межам, по лесным тропкам и просекам, а нередко и по бездорожью, напрямик через заросли и луга. Сын любил открытое поле и светлый лес, а когда поля колосились, он бегал среди высоких хлебов, и ему нравилось, что колосья хлещут его по голым рукам и ногам, в лесу же он мчался напролом через заросли – здесь ему нравилось, что ветви царапают и колют, но он сумеет вырваться, если кустарник попытается его удержать. Потом бобры построили плотину, запрудив ручей, и он пробегал через неглубокий пруд от берега до берега. Ничто не могло его остановить, решительно ничто.

Он знал, когда на станцию прибывает поезд и когда отходит, он бежал к станции, бросался наперегонки с поездом и мчался, пока его не обгонял последний вагон. Он рос, и чем старше становился, тем дольше мог бежать наравне с поездом, не отставая. Но не это было

⁴ *Виктория* (1840–1901) – королевская принцесса Британской империи, впоследствии императрица Германии и королева Пруссии, жена Фридриха III, императора Германии и короля Пруссии (1831–1888).

важно. Он бросался за поездом, чтобы в этой гонке сердце билось и дыхание вздымало грудь так сильно и часто, что просто не бывает сильнее и чаще. Он мог и в одиночку мчаться, пока не настанет этот миг предельного напряжения сил, но куда увлекательней казалось испытать его в гонке за поездом.

Он слышал свое шумное дыхание, слышал стук своего сердца. Он слышал свой бег, топот своих ног, равномерный, уверенный, легкий, и при каждом ударе ног о землю он отталкивался от земли, и каждое отталкивание было как взлет. Порой ему казалось, будто он летит по воздуху.

4

Родители дали ему имя Герберт: отец был до мозга костей военный человек, после сражения при Гравелоте⁵ награжденный Железным крестом, он хотел, чтобы сын вырос «блестящим воином», ибо таково значение имени Герберт. Он объяснил сыну, что означает его имя, и Герберт своим именем гордился.

Он гордился и Германией, молодой империей, с молодым императором, гордился и своими родителями, и сестрой, и поместьем своей семьи, солидными владениями, красивым домом. Лишь асимметричность главного фасада его огорчала. Парадная дверь почему-то находилась не в центре, а правее, пять окон прямо над нею были расположены симметрично, а на последнем, третьем этаже опять-таки три окна были слева от двери и только одно справа. Никто не знал, почему при строительстве получилась такая несуразность – дому было больше двухсот лет, семья Герберта приобрела поместье не так давно.

Дед Герберта купил поместье у здешнего обедневшего дворянина в надежде, что будет пожалован дворянством, а если не он сам, то уж точно его сын, герой битвы при Гравелоте. Отец Герберта тоже надеялся получить дворянский титул – в придачу к дворянскому поместью и Железному кресту. Однако он так и остался просто господином Шрёдером, а вот Герберт позднее прибавил к своей фамилии название поместья, через черточку, ему не хотелось, чтобы его смешивали с однофамильцами, которых было немало⁶.

При всех этих мечтах о пожаловании благородного звания дед и отец были людьми здравомыслящими и работающими. Они привели в порядок поместье, построили сахарный завод и пивоварню, они располагали достаточными средствами и для того, чтобы играть на бирже. Дом Шрёдеров был полной чашей, Герберт и его сестра Виктория ни в чем не знали отказа, если, конечно, желания были разумными. Так, не могло быть речи о пропуске занятий в школе или литургии в церкви, и, напротив, считалось разумным желание поехать в Берлин; читать романы – неразумно, читать книги по отечественной истории – разумно; желание получить в подарок английскую игрушечную железную дорогу с настоящим паровичком – неразумно, зато просить себе в подарок лодку и ружье – это разумно. Четыре года брат и сестра ходили в сельскую школу вместе с деревенскими ребятами, затем перешли на домашнее обучение. У них были учитель математики и естествознания и учительница, обучавшая их языкам и предметам, расширяющим культурный кругозор. Герберт учился также игре на скрипке, а Виктория – игре на фортепиано и пению. Герберт, кроме того, выполнял некоторые поручения по управлению поместьем, для того чтобы, когда придет пора, он уже знал, чего можно требовать от управляющего и чего от батраков и батрачек.

Когда Герберт начал готовиться к предстоящей конфирмации, на эти занятия отправили и Викторию, хотя она была на год младше брата и ей еще рано было думать о конфирмации. Родители хотели, чтобы их дети ходили на эти занятия вместе с деревенскими, как раньше они посещали уроки в народной школе, но, кроме того, надо было позаботиться о том, чтобы старший брат защищал Викторию от грубости деревенской ребятни. Сама-то Виктория вовсе не боялась других детей. И брат, и сестра отличались надменным бесстрашием, столь свойственным людям, которые живут, не зная горя, и могут не опасаться бед в будущем. Впрочем, Виктории не помешало бы добавить к своим манерам очарования женской слабости, а Герберту –

⁵ Битва при Сен-Прива (Гравелот) 16 августа 1870 г. – одно из самых крупных и тяжелых сражений Франко-прусской войны, принесшее победу Пруссии.

⁶ В историю германских географических исследований он вошел как Герберт фон Шрёдер-Штранц (1884–1912), немецкий офицер, служивший в колониальных войсках, участвовавший в подавлении восстания туземных племен, затем путешествовавший по Кольскому п-ву и Карелии; с 1905 г. занимался организацией экспедиции по исследованию Северного морского пути, которая вышла на маршрут в августе 1912 г.

рыцарской мужественности и силы. Обоим их новые роли пришлись по душе. Герберт иногда нарочно провоцировал деревенских мальчишек на грубые выходки, чтобы защищать от них сестру. Но деревенские дети на провокации не поддавались. Никто не хотел связываться с господскими детьми.

Никто, кроме Ольги. Герберт и Виктория не устояли перед тем любопытством и восхищением, какие Ольга проявляла к их миру. То, что они так быстро подружились с Ольгой, свидетельствует об их одиночестве, которого сами они не сознавали.

5

На фотографии – эти трое в саду. Виктория сидит на качелях, скрестив ноги, чуть склонив набок голову, она в пышном платье и широкополой шляпке, украшенной цветами, на плече держит раскрытый зонтик. Слева от нее стоит, опираясь на качели, Герберт, он в коротких штанах и белой рубашке. Справа – Ольга в темном платье с белым воротничком. Эти двое смотрят друг на друга так, как будто без слов сговариваются разом, дружно подтолкнуть качели. На лицах у всех троих выражение серьезное, даже истовое. Может быть, они представляют здесь сцену из какой-то книжки? Герберт и Ольга прислуживают Виктории? Потому что она самая младшая? Потому что она умеет верховодить старшим братом и старшей подругой? Но что бы они ни хотели выразить, желание их серьезно и истово.

Каждому из них можно дать все восемнадцать лет, хотя на обороте карточки есть надпись – снимок сделан накануне конфирмации. Обе девушки белокуры, у Виктории пышные локоны волной ниспадают на плечи, гладкие волосы Ольги собраны узлом на затылке. У Виктории губы капризно поджаты, сразу видно, что она бывает несносной, если ее что-то не устраивает в окружающем мире. У Ольги волевой подбородок, резко очерченные скулы, широкий и высокий лоб – энергичные черты, которые тем больше радуют взгляд, чем дольше ты ими любовешься. Обе девушки выглядят вполне сформировавшимися, они готовы к семейной жизни, рождению детей, заботам о доме. Это две юные женщины. Герберт же только хочет быть взрослым мужчиной, но на самом деле он еще мальчуган, невысокий, коренастый, крепкий, стоит, расправив плечи, высоко подняв голову, а все же ростом он не обогнал девушек, да и никогда не обгонит.

И на более поздних фотографиях Герберт с удовольствием позирует; в этом он, конечно, берет пример с молодого германского императора. Виктория довольно скоро расплелась – вкусная еда примирила ее с окружающей жизнью, обмякшие черты пухлого личика притушили выражение капризного недовольства и придали Виктории чувственное и детское очарование. От Ольги за довольно долгий период не осталось ни одной фотографии: только родители Герберта и Виктории могли позволить себе такую роскошь – пригласить фотографа, да и на тот единственный снимок Ольга не попала бы, не окажись она в тот день в доме Шрёдеров.

После конфирмации Виктория начала упрашивать родителей отправить ее в Кенигсберг в пансион для девиц. Однажды в соседнем дворянском поместье был праздничный вечер, и дочь хозяев рассказала Виктории о жизни в пансионе, о том, какая там во всем элегантность и роскошь, и еще обмолвилась, мол, для уважающей себя девушки непозволительно расти и воспитываться среди простых крестьян. Родителям идея дочери не понравилась, но Виктория упрямо стояла на своем. И с тем же упрямством она, уже добившись своего, утверждала, что скромная жизнь воспитанниц пансиона – это и есть жизнь благородного общества.

Ольга хотела поехать в Познань и поступить в женскую учительскую семинарию. Для этого надо было сдать вступительный экзамен по программе выпускного класса женской гимназии. Она готова была каждое утро ходить пешком за семь километров в окружной город, где была гимназия, а вечером проходить те же семь километров, возвращаясь домой. Но денег, чтобы платить за гимназию, у нее не было, а ходатайства об обучении за казенный счет Ольге не дали: деревенские учитель и священник считали, что гимназическое образование девицам ни к чему. Раз так, Ольга решила самостоятельно освоить программу старших классов гимназии.

Она пришла в гимназию узнать, какие должны быть знания у выпускниц. Большое здание, широкие лестницы, длинные коридоры и множество дверей, а еще легкость, с какой на переменах, после прозвеневшего звонка, девушки смеялись и болтали, высыпав в залу рекреации, да еще та уверенность, с какой учительницы, высоко подняв голову, шествовали в классные комнаты и по коридорам, – от всего этого Ольга обрела, да так, что забила в угол возле

лестницы и все только смотрела, не осмеливаясь выйти. Там ее и заметила после окончания уроков одна учительница. Она выслушала все, что, едва не плача, пролепетала Ольга, взяла ее за руку и привела к себе домой.

– Закон Божий, немецкий язык, история, арифметика, география и природоведение. Чистописание, пение, рисование, рукоделие. Осилишь ли ты все это?

Катехизис Ольга знала назубок благодаря подготовке к конфирмации; она читала драмы Шиллера, романы Фрейтага и «Отечественную историю пруссов» Зегерта, она знала наизусть стихи Гёте и Мерике, Гейне и Фонтане, знала и многие песни из сборника Эрка⁷ «Немецкий песенный сад». Учительница велела Ольге прочитать стихотворение, спеть песню и решить в уме несколько арифметических задач. Она повертела в руках ридикюль, который Ольга сама связала крючком, и у нее не осталось сомнений в способностях Ольги к рукоделию, а также чистописанию и рисованию. Камнем преткновения оставались география и природоведение – Ольга знала многие растения, деревья, цветы, грибы, но она слыхом не слыхала о классификации животных и растений, о Карле Линнее и Александре Гумбольдте.

Учительнице Ольга понравилась. Она дала девушке учебники по географии, по домоводству и по природоведению, сказала: «Если нужна будет помощь, милости прошу. Да! Хорошенько почитай Библию и „Фауста“!» – и с тем отпустила.

Герберт знал, что с восемнадцати лет поступит в гвардейский пехотный полк. А до этого времени надо было подготовиться к экзамену на аттестат зрелости. Он занимался с домашними учителями, учился старательно. Но сердце его принадлежало стрельбе и охоте, верховой езде, гребле и бегу. Он знал, что однажды к нему перейдут поместье, сахарный завод и пивоварня, он понимал, что отец правильно делает, посвящая его в управление и хозяйственные дела. Но он не видел себя в этой роли – владельца поместья и предприятий. А видел он широкий простор земли и неба. Когда он бегал, то поворачивал назад не потому, что силы были на исходе, а потому, что наставала темная ночь и мать дома наверняка начинала тревожиться. Он мечтал когда-нибудь пуститься бегом вслед за солнцем, бежать и бежать, чтобы светлый день никогда не кончался.

⁷ Людвиг Кристиан Эрк (1807–1883) – немецкий собиратель народных песен, педагог и композитор.

6

После отъезда Виктории прошло некоторое время, прежде чем у Герберта и Ольги, оставшихся вдвоем, снова завязалась дружба. Пойти в гости к Герберту ведь было совсем иное дело, чем пойти к Герберту и Виктории: Ольга заметила подозрительные взгляды его родителей и перестала приходить в господский дом. Герберта приводили в ярость понимающие ухмылки деревенских, когда те, случайно повстречав где-нибудь его с Ольгой, глазели на них, и он уже не приглашал ее погулять или покататься на лодке, – раньше-то втроем они совершенно спокойно гуляли и катались на лодке.

Бабушка Ольги, так же как учитель и пастор, считала, что девицам гимназическое образование ни к чему, и когда Ольга садилась готовиться к своему вступительному экзамену, не оставляла ее в покое, даже если не требовалось никакой помощи по дому. И летом Ольга со своими учебниками стала убегать на уединенную лесную опушку. Туда к ней приходил Герберт. Всегда с собакой, иногда и с ружьем. Он показал Ольге охотничью вышку, где она могла сидеть под крышей и читать, если шел дождь. Часто он приносил ей маленькие подарки: печенье, бутылку сока, яблоко или грушу.

Обычно он не приходил, а прибежал бегом, запыхавшись, бросался в траву рядом с Ольгой и ждал, пока она не оторвется от книги. И тогда первым делом он спрашивал: «Ну как? Узнала что-нибудь новое, чего утром еще не знала?»

Ольга с удовольствием рассказывала о прочитанном. Заодно она проверяла, что заучила, а что не запомнила и должна повторить заново. Больше всего Герберта интересовали география и естествознание, а еще сведения о том, как можно выжить, питаясь тем, что сам найдешь на земле.

– А лишайники можно есть?

– Можно есть исландский мох. Это целебное растение, помогает от простуды, от болей в животе, оно годится и в пищу.

– Как определить, какой гриб ядовитый, а какой нет?

– Тут надо просто знать грибы. Понимаешь, выучить все триста съедобных или все триста ядовитых.

– Какие грибы растут в Арктике?

– В тундре растут...

– Нет, не в тундре. Я про...

– Ледовую пустыню? В ледовой пустыне ничего не растет.

По ее просьбе он принес свои учебники, и она увидела, что знания у нее хорошие, стыдиться не приходится. Герберт обогнал ее только по иностранным языкам, так как учительница разговаривала с ним по-английски и по-французски, а с Ольгой-то никто не разговаривал. На вступительном экзамене знания иностранных языков не спрашивали, но Ольге хотелось когда-нибудь поехать в Лондон и Париж, об этих городах она прочитала в Энциклопедическом словаре Майера и знала о них куда больше, чем Герберт.

7

Не меньше, чем слушать рассказы Ольги о том, что нового она узнала, Герберту хотелось делиться с ней тем, что занимало его мысли. Однажды он признался ей, что стал атеистом.

Он, как обычно, примчался бегом, остановился перед Ольгой, наклонившись вперед, упершись руками в колени, и, дыша тяжело, как загнанный, выпалил:

– Бога нет!

Ольга сидела, поджав ноги, положив перед собой книгу.

– Погоди...

Он отдышался, прилег в траве рядом с Ольгой, скрестив руки под головой и глядя то на Ольгу, то на собаку, Ольга была справа, собака слева от него, временами он смотрел в темно-голубое летнее небо с быстро летящими белыми перьями облаков. И повторил, но уже спокойно и твердо, так, словно он сделал открытие или, скорее даже, как будто раз и навсегда что-то решил для себя:

– Бога нет.

Ольга подняла глаза от книги и взглянула на Герберта:

– А что же?

– Что – что же?

– Что же вместо Него?

– Ничего. – Вопрос показался Герберту смешным, он засмеялся и тряхнул головой. – Есть мир. А неба нет, и Бога нет.

Ольга отложила книгу в сторону, вытянулась рядом с Гербертом на траве, глядя в небо. Она любила небо, и синее, и серое, и дождливое, и в снежной пелене, когда смотреть на летящие сверху капли или падающие снежинки можно, лишь сощурив глаза. Бог! Почему бы не жить Ему на небе? И не появляться иногда на земле, в церкви, а то и среди природы?

– Что ты сделаешь, если Он вдруг появится перед тобой?

– Как Ливингстон перед Стэнли? Я поклонился бы, слегка, и протянул бы Ему руку. «God, I presume?»⁸

Герберт, в восторге от своей остроты, хлопнул ладонями по земле и захохотал. Ольга вообразила эту сцену: Герберт в кожаных бриджах, клетчатой рубашке и Бог в белом тропическом костюме и пробковом шлеме, оба слегка ошарашены и оба держатся предельно учтиво. Она тоже засмеялась. Но вдруг подумала, что остроты на тему Бога недопустимы. И недопустимо смеяться, если кто-то позволяет себе остроты на тему Бога. Однако в эту минуту ей больше всего хотелось спокойно продолжать свои учебные занятия. С Богом, если Бог хочет ей помочь, а если не хочет, то и без Него.

Но Герберт не оставил ее в покое. Он только что открыл для себя вечные вопросы бытия! Через два-три дня он спросил:

– Скажи, бесконечность существует?

Они снова лежали бок о бок на траве, на лицо Ольги падала тень от книги, которую она держала обеими руками, лицо Герберта с закрытыми глазами и травинкой между губ заливал солнечный свет.

⁸ 23 октября 1871 г. шотландский путешественник, исследователь Африки Давид Ливингстон был вынужден, не завершив свою третью экспедицию (поисков истоков Нила), вернуться в Уджиджи (Западная Танзания); обессиленный и больной, он долгое время не давал о себе знать. Неожиданно ему пришла на помощь экспедиция, возглавляемая журналистом Генри Мортонем Стэнли, посланным на поиски Ливингстона американской газетой «Нью-Йорк геральд». Стэнли приветствовал Ливингстона фразой, которая впоследствии стала всемирно известной: «Доктор Ливингстон, я полагаю?» (*Dr. Livingstone, I presume?*) Стэнли привез жизненно необходимые продукты и медикаменты, в конце 1871 г. Ливингстон смог вместе со Стэнли продолжить путешествия и исследования в Африке.

– Параллельные прямые пересекаются в бесконечности.

– Это все глупости, которыми нас пичкают в школе. А вот пойдешь ты по шпалам между рельсами, все дальше и дальше, и что же, ты думаешь, когда-нибудь придешь туда, где они пересекаются?

– Вдоль рельсов я могу идти только до какого-то конечного пункта, но не бесконечно. Вот если бы я могла бегать, как ты...

Герберт вздохнул:

– Да ты не смейся. Я хочу понять, имеет ли бесконечность значение для смертных людей в их смертной жизни, имеющей конец. Или Бог то же самое, что и бесконечность?

Ольга опустила раскрытую книгу себе на живот, но из рук ее не выпустила. По правде говоря, больше всего ей сейчас хотелось продолжать чтение. Надо учиться! До бесконечности ей не было дела. Но, повернув голову, она встретила тревожный и полный надежды взгляд Герберта:

– Почему тебя так волнует бесконечность?

– Почему? – Герберт сел. – Если что-то бесконечно, значит оно недостижимо. Ведь так? Но существует ли что-то недостижимое, не только в наше время и не только нашими сегодняшними средствами, а вообще? Просто недостижимое?

– Ну достигнешь ты бесконечности. И что дальше? На что она тебе?

Герберт молчал, глядя куда-то вдаль. Ольга села. Что он там видит? Свекольные поля. Зеленая ботва, коричневые междурядья, длинные и прямые линии, но дальше, за небольшой ложбиной они плавно поднимаются и уже у самого горизонта сливаются в сплошную зеленую плоскость. Кое-где высятся тополя. Крохотная рощица буков как темный островок в светлом зеленом море. На небе ни облачка: Ольга и Герберт сидели спиной к солнцу, от яркого света все искрилось и блестело – зелень кустов и деревьев и даже бурая земля. Что он там видит?

Он обернулся к ней со смущенной улыбкой, так как не знал, что ответить, хотя и был уверен, что на его вопрос должен быть ответ и что томительная тоска влечет его вдаль не напрасно. Ольге хотелось обнять его и погладить по голове, но она не посмела. Своей беспокойной тоской он растрогал Ольгу, как малое дитя, которое всеми силами рвется в большой мир. Но Герберт уже не ребенок – в его беспокойстве, в его вопросах, в его вечной гонке она почувствовала отчаяние, им самим еще не осознанное.

Спустя несколько дней Герберт пришел к Ольге с новым вопросом: существует ли вечность?

– Бесконечность и вечность – это одно и то же? Бесконечность мы относим к пространству и времени, а вечность связана только со временем. Но как? Одинаковым ли образом они, бесконечность и вечность, выходят за пределы того, что нам дано в нашей жизни?

– Некоторых людей вспоминаешь даже спустя много лет. Не знаю, вечно или нет. Однако Ахилл и Гектор уже две или три тысячи лет как мертвы, а мы все-таки помним о них. Ты хочешь стать знаменитым?

– Я хочу... – Он оперся на руку и повернулся к Ольге. – Я сам не знаю, чего хочу. Я хочу от жизни больше, гораздо больше, чем вот это все – поля, поместье, деревня, и больше, чем Кенигсберг и Берлин и гвардия... меня ждет пехотная гвардия, да не в этом дело, – хоть бы и конная, не важно. Мне нужно что-то такое, по сравнению с чем все это мелочь. Мне нужно что-то большее. Или нет, оно не больше. А выше... Я читал, что инженеры задумали построить аппарат, на котором люди смогут летать, и я думаю... – Он посмотрел поверх головы Ольги в небо. И засмеялся. – Когда летательный аппарат построят, когда заберутся в него и полетят, он станет обычной вещью, такой же, как другие.

– Хотелось бы мне иметь некоторые вещи. Пианино, вечное перо фирмы «Зеннекен», новое летнее платье и новое платье на зиму, новые летние туфли и зимние ботинки. А ком-

ната – это тоже вещь? Если комната не вещь, то деньги-то – вещь? Я хотела бы иметь деньги, чтобы у меня была своя комната. Быть может, ты просто...

– Избалован? – Герберт еще больше повернулся к Ольге, он смотрел на нее, упиравшись одной рукой в землю, а другой теребил свои волосы.

– Извини. Нет, ты не избалован. Но ты не понимаешь, каково быть на моем месте. А я не понимаю, что значит быть таким человеком, как ты. Мне кажется, тебе живется легче, чем мне. Или нет, наверное, мне было бы легче на твоём месте и если бы у меня была такая жизнь, как у тебя или у Виктории, и я могла бы без всяких сложностей поступить в женскую гимназию, а потом в учительскую семинарию. Но может быть, если бы я жила такой жизнью, как у Виктории, я тоже не хотела бы чего-то большего, кроме как стать воспитанницей в пансионе для благородных девиц. – Ольга покачала головой.

Герберт ждал, что она продолжит, но Ольга замолчала.

– Я пошел. – Он встал, мигом вскочила и собака – прежде она лежала, прижавшись к Ольге, а Ольга ее гладила. Теперь собака не спускала преданных глаз с Герберта. Он часто уходил вот так, неожиданно, Ольга давно к этому привыкла. Но каждый раз ее задевало то, что собака, минуту назад ластившаяся, вдруг бросала ее, как чужую.

Герберт уходил, собака прыгала возле него, ей не терпелось припустить во всю прыть вместе с хозяином. Но он, мягко отстранив ее, прибавил шагу. И вдруг остановился и обернулся к Ольге:

– У меня нет денег. Мне дают деньги только на что-нибудь необходимое и ровно столько, сколько эта вещь стоит. Как только у меня появятся свои деньги, я куплю тебе вечное перо.

Герберт пустился бегом, Ольга долго смотрела ему вслед. Он пробежал вдоль лесной опушки, от нее – через свекольное поле, затем свернул на дорогу, уходящую за горизонт, на которой и сам Герберт, и собака становились все меньше, меньше и наконец исчезли за линией окоема. Ольга смотрела вслед Герберту с нежной заботой.

8

Герберт и Ольга влюбились друг в друга. Быть может, этого и не случилось бы, не будь Виктории, которая разом разбила их привычные отношения. На лето пансион закрывался, и Виктория в июле приехала домой. Ольга и Герберт уже радовались предстоящим неделям, когда они будут проводить время втроем, как прежде, однако их ждало разочарование. У Виктории было на уме совсем другое. Она получила несколько приглашений на балы и праздники в соседние дворянские усадьбы и рассчитывала, что Герберт будет ее сопровождать как кавалер. Ольгу она не забыла. Пригласила ее, поскольку так принято у воспитанных людей, один раз на прогулку и на чашку чая. Но потом призналась брату, что с этой простой девушкой ей не о чем разговаривать.

– Она хочет стать учительницей! Ты помнишь фройляйн Польш, старую деву, которая давала нам уроки вместо заболевшего учителя? И такой вот хочет стать Ольга? Что ж, в дамских модах она смыслит ничуть не больше, чем фройляйн Польш. Я хотела помочь, показать ей, что надо носить рукавички с буфами и узкие юбки, а она так на меня посмотрела, как будто услышала какую-то польскую тарабарщину. Кстати, сама-то она наверняка знает польский. У нее славянские черты лица, верно? А имя? Ольга Ранке! Это же славянское имя? И почему она так важно держится со мной? Как будто она мне ровня! Должна бы радоваться, что ее учат благородным манерам и показывают, как надо одеваться.

Герберт почувствовал обиду. Это Ольга-то недостаточно хороша? Лицом не вышла? При следующей встрече с Ольгой он внимательно взгляделся в ее лицо. Высокий и широкий лоб, резко очерченные скулы, зеленые глаза, слегка раскосые и просто чудо какие лучистые. Могли бы ее подбородок и нос быть чуть меньше или губы чуть полнее? О нет, когда на ее губах играла улыбка, когда ее губы произносили какие-то слова, они были такими живыми, такими покоряющими, и под стать Ольгиным губам были ее нос и подбородок. Вот даже и сейчас, когда Ольга, беззвучно шевеля губами, что-то заучивала.

Взгляд Герберта скользнул по Ольгиной шее, задержался на высокой груди, на едва угадываемой под юбкой линии бедра и остановился на голых лодыжках и ступнях. Устраиваясь с учебником на опушке, Ольга снимала туфли и чулки. Герберт не раз видел ее лодыжки и ступни, однако еще никогда их не разглядывал, как и ямочку возле щиколотки, и округлость пятки, и нежные пальцы, и голубоватые жилки. Ему так хотелось прикоснуться к ее ножкам.

Ольга подняла глаза на Герберта:

– Что ты так на меня смотришь?

Он покраснел:

– Я не смотрю на тебя.

Они сидели друг против друга, оба поджав по-турецки ноги, у нее в руках была книга, у него – нож и деревянная палочка. Он опустил голову.

– Я думал, что хорошо знаю твое лицо. – Он покачал головой и срезал ножом несколько стружек с палочки. – Сейчас... – он поднял голову и посмотрел Ольге в глаза, – сейчас я хочу все время смотреть на него, на твое лицо, твою шею, и затылок, и твои... – на тебя. Никогда я не видел такой красоты.

Она тоже залилась краской. Они смотрели друг другу в глаза, словно забыв обо всем и вложив в этот взгляд всю душу. И обоим не хотелось отвести взгляд и снова стать прежними Ольгой и Гербертом. Потом Ольга улыбнулась и сказала:

– Ну что же мы делаем! Я не могу учиться, когда ты на меня смотришь. И когда я на тебя смотрю.

– Мы поженимся, и тогда ты перестанешь учиться.

Ольга, подавшись вперед, положила руки ему на плечи:

– Ты никогда не женишься на мне. Сейчас ты слишком молод для женитьбы, а позднее твои родители найдут для тебя более подходящую партию. У нас один год – до того как ты поступишь в гвардию, а я в семинарию. Год! Нам только нужно договориться, – она снова улыбнулась, – когда мы будем смотреть друг на друга и когда я буду учиться.

9

До глубокой осени Герберт и Ольга встречались наедине у лесной опушки или на охотничьей вышке. Здесь Ольга училась, сюда к ней приходил Герберт. Но в октябре похолодало, а в ноябре выпал первый снег. У Ольги были ключи от церкви, их дал ей органист, чтобы она могла заниматься игрой на органе и по воскресеньям иногда замещать органиста во время службы. И она училась в холодной церкви, которую протапливали только в часы богослужений. Здесь было теплее, чем на улице, и, как казалось Ольге, даже теплее, чем у бабушки, – у той хоть и топились печь, но от ворчливости и суровости старухи Ольгу знобило хуже, чем от мороза. Ольга ведь не догадывалась, что бабушка тяжело переживает предстоящее прощание с внучкой, потому и держится особенно холодно и сердито; да этого и сама бабушка не понимала.

В церкви, построенной в 1830 году в стиле классицизма и круглой, почти как ротонда, имелась особая ложа с местами для попечителей общины, эта ложа вместе с попечением о церкви перешла к семье Герберта от прежних знатных владельцев поместья. Герберт терпеть не мог сидеть в ложе, где он каждое воскресенье был выставлен на виду у всей деревенской общины, пялившей на него глаза. Поэтому он не сразу вспомнил, что там есть отдельная печка, вернее, под полом проходила труба дымохода, а печка топились под лестницей. Когда настали морозы, то и в ложе поднимался пар от дыхания. Но пол все-таки не обжигал холодом, навес наверху и невысокий барьерчик немного защищали от потоков ледяного воздуха, наплывавшего из церкви, на скамьях были мягкие подушки, а Ольга, пока читала учебники, связала длинный толстый свитер для Герберта и такой же себе. Герберт фантазировал вслух о том, что мог бы просидеть в охотничьем укрытии не один зимний день, чтобы подстрелить матерого оленя-вожака, которого отец Герберта подстерег в лесу, да промахнулся.

Он не учился, хотя Ольга была бы рада, если бы он сидел рядом с ней и занимался. Начав что-нибудь читать, он вскоре терял терпение и говорил, мол, действие развивается слишком обстоятельно, а могло бы куда быстрее прийти к цели или что автор мог бы быстрее довести до конца свое рассуждение. Его учитель упоминал о Ницше, писавшем о «смерти Бога», о сверхчеловеке и «вечном повторении», – Герберт понадеялся найти ответы на мучившие его вопросы у Ницше. Ведь для Ницше Бог умер! Ведь Ницше тоже хотел выйти за пределы человеческих возможностей! И тоже знал, как томительно монотонна деревенская жизнь! Однако и Ницше скоро показался Герберту слишком трудным, так что он лишь нахватался кое-каких сентенций, которыми при случае мог щегольнуть в разговоре. Герберт теперь нередко пускался в рассуждения о двух кастах, высшей и низшей, без которых невозможно существование культуры, о силе и красоте чистых рас, о плодотворности одиночества, об избранном человеке, о благородном человеке и о сверхчеловеке, который в своем могуществе велик и в то же время низок и ужасен. Он поставил себе цель стать сверхчеловеком, не давать себе ни покоя, ни отдыха, добиться, чтобы Германия достигла величия, пусть даже ради этой цели ему придется быть жестоким к себе самому и к другим. Ольга считала пустыми все эти громкие слова о величии. Но щеки Герберта пылали, глаза блестели, и Ольга смотрела на него с глубокой любовью.

Они встречались уже год, но между ними не было окончательной телесной близости. Сыну землевладельца никто не поставил бы в вину то, что он гуляет с девушкой из деревни, да и сами деревенские не стали бы беспокоиться, если молодой хозяин водил бы шашни с их дочерьми. Между тем Ольга не относилась к Герберту как к сыну помещика, а он не считал ее девчонкой из деревни. Их отношения были не такими, какие могли быть у сына помещика и дочери помещика, но и не такими, как у молодого человека и девушки из буржуазных семей. Они сошлись как бы на ничейной территории, неподвластной законам классового устройства. Весной и летом они уединялись на лесной опушке, зимой – в попечительской ложе, у них были все возможности стать любовниками, но они этим не воспользовались. Они не хотели спешить.

Они целовались, каждый открывал для себя другого, они согревали друг друга, они не могли друг от друга оторваться. Но лишь до той минуты, когда Ольга освобождалась из объятий Герберта, чтобы снова взяться за книгу. Если Герберт терял над собой власть и случалось неизбежное, он отворачивался, чувствуя облегчение, обессиленный, смущенный, и ощущал теплую влагу под бельем, вскакивал, опрометью бросался бежать, а зимой уносился на лыжах.

10

Под Новый год Шрёдеры устроили у себя небывалый праздник, прогремевший на всю округу. На него съехалась даже старинная дворянская знать из своих поместий, и отец Герберта, повесив себе на грудь Железный крест, вновь загорелся надеждой на пожалование дворянского титула. Праздновали не только встречу Нового года, но отмечали и достижения года минувшего – в стране был принят гражданский кодекс, установлено телеграфное сообщение с Америкой, пароход «Германия» награжден «Голубой лентой»⁹, германский флаг водружен в новой колонии на Самоа, и еще праздновали то, что ни один китаец впредь не посмеет косо взглянуть на немца¹⁰. Наконец-то Германия по достоинству заняла подобающее ей место среди государств мира. В полночь запустили грандиозный фейерверк, приехавший из Кенигсберга пиротехник устроил целый спектакль: в черном ночном небе взрывались белые и красные ракеты, били белые и красные огненные фонтаны, было и немножко синих, потому как Англию и Францию тоже решили почтить. Разве не показала Всемирная выставка в Париже, что новое столетие предвещает великое будущее всем европейским державам? Папаша Шрёдер успешно играл на бирже, спекулируя акциями химических и электротехнических заводов, так что мог позволить себе столь экстравагантный фейерверк.

Герберт хотел пригласить на праздник Ольгу, но Виктория объявила родителям, что присутствие Ольги может повредить репутации их дочери в глазах молодых людей, отпрысков старинных аристократических родов. Герберт сказал, раз так, он тоже не придет на праздник, и оставался непоколебимым в своем решении, невзирая на слезы Виктории, просьбы матери и строгость отца, пока сама Ольга его не отговорила: незачем без нужды восстанавливать против себя родителей. А если они вообще запретят сыну встречаться с ней?

Но посмотреть на фейерверк сбежалась вся деревня, люди не остались у въезда в парк или на площадке перед господским домом, они обошли дом сзади и встали на большой террасе, где собрались гости, смотревшие, как взмывают в небо снопы искр и летят в вышину ракеты и петарды. Сначала деревенские держались поодаль от чистой публики, но уже вскоре, все позабыв при виде небывалых световых чудес, крестьяне стали мало-помалу приближаться и наконец подошли чуть не вплотную к гостям и даже смешались с ними. Гости притворились, будто не замечают этих людей, а родители Герберта – будто не видят сына с Ольгой – те стояли, взявшись за руки, и о чем-то шептались. «Счастливого нового года!»

Он и впрямь выдался счастливым. Ольга выдержала вступительный экзамен, ее приняли в женскую учительскую семинарию в Познани. Благодаря тому, что она сдала экзамены на «отлично», ей предоставили бесплатное место в общежитии для учащихся. Герберт гордился Ольгой, но ревниво смотрел на ее увлечение науками, и еще он с горечью замечал, что она стала очень самостоятельной, независимой от других людей с их мнениями и оценками и в конце концов независимой от него самого. Возможно, она и права, что они не могут пожениться, но ее доводы он пропускал мимо ушей и думал лишь о том, что он ей не нужен. Только вступив в гвардейский пехотный полк после с грехом пополам сданных экзаменов, Герберт забыл о своей ревности и отвлекся от досадных мыслей, теперь он гордился собой так же, как гордился Ольгой.

⁹ В 1900 г. океанский лайнер «Германия» удостоился международной награды за рекорд скорости при пересечении Атлантики.

¹⁰ 27 июля 1900 г. Вильгельм II принял решение об отправке германских войск в Китай на подавление Ихэтуаньского (Боксерского) восстания (1898–1901) против иностранного присутствия в Китае. Напугав войска, он, в частности, сказал: «Как некогда гунны под водительством Аттилы стяжали себе незабываемую в истории репутацию, так же пусть и Китаю станет известна Германия, чтобы ни один китаец впредь не смел косо взглянуть на немца».

Он послал ей свой раскрашенный фотографический портрет, на нем он в синем мундире с красным воротником и красными обшлагами и в красно-синей фуражке с маленьким черным козырьком, почти как у шапочек, что носят студенты. Он послал и еще одну фотографию – на ней он в серой полевой форме, в каске с золоченой пикой. Ольга находила, что он хорош и в одном, и в другом обмундировании. Невысокий, но все же не скажешь, что коротышка, коренастый, крепко сложенный, с выражением веселой решимости в глазах, с крупными и резкими чертами лица. Ольга любила его глаза, синие и такие ясные, словно ему чужды какие-либо сомнения, однако порой его взгляд бывал мечтательным и далеким, и, когда Ольга замечала этот взгляд, ее охватывала нежность к Герберту.

С теми фотографиями он прислал и вечное перо – автоматическую ручку, черную, с надписью «Ф. Зеннекен»; перо отвинчивалось, чернила набирались вставленной в ручку пипеткой. А как она писала! Волосяная линия вверх, а вниз с толстым нажимом, и даже когда Ольга что-нибудь зачеркивала или исправляла, написанное все равно было красиво; уже скоро она стала писать Герберту письма сразу начисто, без черновика. Эту ручку он купил в подарок Ольге, как и обещал, на свое первое воинское жалованье.

Ольга тоже послала ему свою фотографию. Она в широкой черной юбке и белой тунике с красными кантами, с обнаженными руками и шеей. Это было так называемое платье «реформ», Ольга сама его сшила. Пышные волосы собраны в узел, лицо чистое, даже губы не подкрашены, лишь чуть-чуть пудры, и то потому, что у Ольги, когда она волновалась, на щеках выступали красные пятна. Смотрела она гордо, – может быть, она гордилась тем, что она не такая, как другие молодые женщины, у которых в голове только моды и мужчины.

11

Прочувшись два года в семинарии, Ольга стала учительницей и осенью впервые приступила к работе. В своей старой школе – ни дирекцию, ни саму Ольгу это не устраивало, но в той деревне, куда ее должны были направить учительствовать, разразилась эпидемия оспы, а в Ольгиной школе в одночасье умер старый учитель, учивший еще Ольгу. Однако теперь ей не надо было жить у бабушки – она поселилась в учительской квартире при школе.

Она скучала по Герберту. В школе и церкви, в деревенских домах, на дорогах и в лесу – всюду жили воспоминания. Помнились неприятности и печали: как ее наказывала бабушка, как ее шпыняли и дразнили деревенские дети, как она понапрасну ходила к пастору и сельскому учителю, надеясь получить у них ходатайство, чтобы ее приняли в городскую женскую гимназию. Воспоминания о счастливых временах с Гербертом и Викторией были отравлены для Ольги обидой, после того как от нее отвернулась Виктория. Прекрасными остались воспоминания о встречах с Гербертом на лесной опушке, о часах, проведенных на охотничьей вышке и в церковной ложе, и как раз из-за этих воспоминаний она так тяжело переживала разлуку с Гербертом. С тех пор как он поступил в свой гвардейский полк, а она уехала в Познань учиться в учительской семинарии, они виделись совсем редко – раз-другой Герберт, получив отпуск, проездом был в Познани и дождался Ольгу у дверей семинарии, раз-другой отец одной соученицы, с которой Ольга подружилась, пригласил обеих девушек на несколько дней в Берлин, и тут уже Ольга стояла возле казармы и ждала Герберта. Они оба не знали, когда доведется снова побыть вместе, встречи их были неожиданными, объятия – торопливыми, слова любви – робкими.

В октябре Герберт приехал в поместье на целых три недели. Он записался добровольцем в колониальные войска, которые отправлялись в Германскую Юго-Западную Африку, и перед отъездом получил отпуск. Ольга уже приступила к работе в школе и как раз теперь, начиная профессиональную деятельность, хотела преподавать особенно хорошо, тщательно готовиться к занятиям, все прорабатывать и помогать своим ученикам, быть для них наставницей, какой у нее самой никогда не было. Она мечтала встретить среди детей способную ученицу, чтобы подготовить ее к поступлению в государственную женскую гимназию, – она внушила бы девочке необходимую решимость и позаботилась бы о бесплатном месте в гимназии. На три недели все это отступило на задний план. Важно было одно – когда, где они с Гербертом смогут встретиться, на какое время смогут уединиться... В первые две недели они встречались под открытым небом, под теплым осенним солнцем, а в последнюю неделю – у Ольги дома. Они следили, чтобы никто не увидел, когда он тайком приходил и она открывала ему дверь. В то же время их счастье было слишком огромно, чтобы их всерьез заботило, какие сплетни пойдут о них в деревне.

Три года они отдали ухаживанию и ожиданию – теперь последняя телесная близость стала такой наградой, какой не дано испытать людям, спешащим тотчас удовлетворить свои желания. Герберт и Ольга были так счастливы, когда вновь обрели друг друга после долгой разлуки и можно было не подавлять своих чувств, ни в чем не сдерживаться, что они уже ни минутой не пожертвовали ради страха перед непрошеной беременностью, который даже не могут вообразить себе люди, получившие современные средства предохранения. Все три недели Ольга словно кружилась в танце, они оба кружились, подхваченные вихрем, а потом тихо покоились, неразделимые.

Ольга не одобрила переход Герберта на службу в колониальные войска. Умом она признавала, что военные сражаются за отечество, даже погибают. Но Африка-то не отечество. На что ему Африка? Что плохого сделали ему эти гереро?

Но когда корабль отчалил в Гамбургском порту, она стояла на набережной Петерсенкай, на прощание махала рукой, вместе со всеми прокричала троекратное ура императору и вместе со всеми пела «Славься ты в венце победном!»¹¹ и слушала гудение паровых сирен и свистки больших и маленьких кораблей, последние приветствия уходивших в море, которые на несколько минут заглушили все прочие звуки. Потом гудки стихли, на миг настала тишина, а когда шум порта и города вернулся, корабль уже скрылся из виду и рука Ольги сжимала смятый платочек, которым она, вообще-то, хотела помахать вслед кораблю.

¹¹ Императорский гимн в Германской империи с 1871 по 1918 г.

12

Шли годы, Герберт находился в Германской Юго-Западной Африке, между тем Ольгу в результате интриг Виктории выжили из деревни. Виктория считала, что Ольга недостаточно хороша для Герберта, хотела разрушить их союз и упорно плела интриги, настраивая против Ольги своих родителей, родителей своих приятельниц, даже священника. Ольга это заметила и решила поговорить с Викторией, но та не приняла Ольгу и велела сказать, что ее нет дома. Наконец, через отца какой-то из своих подружек, важного чиновника областной администрации, Виктория добилась того, что Ольгу направили в Восточную Пруссию, на край света.

Эта деревня находилась несколько севернее Тильзита. Единственная проходившая через нее дорога была немощеной, в сухую погоду ее покрывала пыль, в дождливую дорога тонула в грязи. Посреди деревни был луг – выгон, и прямо на нем стояла церковь. Вдоль дороги тянулись одноэтажные грязные дома, и таким же обшарпанным было здание школы, где на задах находилась учительская квартира с садиком.

Ольга в одиночку учила детей всех классов. В школе было всего две комнаты – одна для младших, другая для старших учеников, но дети были послушные, так что Ольга могла вести урок в одной комнате, не сомневаясь, что в соседнем классе с дисциплиной все в порядке. Так как у большинства детей не было ни малейшего интереса к учению, Ольга была довольна уже тем, что они все же усваивали грамоту и счет, вместе с ней пели «Леса покоем дышат»¹²; разбирая с ними текст этого хорала, она рассказывала им о движении Солнца и Луны, о звездном небе, о смене времен года, о радостях труда и о почтении к смерти. По программе полагалось знакомить детей с историями о Старом Фрице, то есть императоре Фридрихе Великом, а он, как известно, говорил, мол, «Леса покоем дышат» – это невероятно глупые слова, но кому нравится, пусть себе поет. Ольга, рассказывая эту историю о том, как император оценил песню, разъясняла детям, что значит проявлять терпимость. Иногда она видела, что кого-то из мальчиков поспособнее можно подготовить к поступлению в гимназию, а кого-то из девочек к женской гимназии в Тильзите, и иногда ей удавалось сломить сопротивление родителей, упрямых пастора написать ходатайство и в итоге добиться бесплатного места в гимназии.

При всей бедности, при всем убожестве здешней жизни, Ольга радовалась, что покинула свою старую деревню и старую школу и живет вдали от интриганки Виктории. Она работала в саду, по средам пела в церковном хоре, который сама она и организовала, по воскресеньям играла в церкви на органе, да еще стала активной участницей Союза учительниц, иногда ездила в Тильзит на концерт или на театральное представление. Она подружилась с одной семьей в соседней деревне и особенно опекала Айку, младшего из многих детей, бегавших там по крестьянскому двору.

Она пристально следила, читая «Тильзитскую газету», за событиями войны против африканского племени гереро, которую вели германские колониальные войска, и за дебатами в рейхстаге об этой войне. Депутаты от буржуазных партий верили в будущее Германии как колониальной державы при условии хорошего обращения и христианского отношения к туземцам. Социал-демократы были против захвата колоний – ибо это безнравственно, экономически убыточно и разлагает колониальное чиновничество. Столь же различную позицию занимали партии по вопросу о войне против гереро и столь же различно оценивали, по сообщениям печати, насилие и жестокость, проявляемые колонизаторами, – буржуазные партии считали, что это единичные нарушения, социал-демократы видели в этом неизбежную черту колониаторской политики. Ольга разделяла взгляды социал-демократов, однако не могла даже вооб-

¹² Хорал И. С. Баха, основанный на девятистрочной «Вечерней песне» Пауля Герхардта (1647).

разить себе какого-то «неизбежно жестокого» Герберта и надеялась, что весь этот морок скоро минует.

Ольга писала Герберту длинные письма и ждала ответных. Если ее одолевала грусть, когда она думала о том, что любовь из года в год сводила их с Гербертом лишь на часы или дни, она вспоминала, как много на свете людей, в чьей жизни разлука была правилом, а встречи исключением, – о военных и моряках, о тех, кто уезжал в исследовательские экспедиции или по коммерческим делам, о поляках, подавшихся на заработки в Германию, о немцах, уехавших работать в Англию. Их жены виделись со своими мужьями не чаще, чем она с Гербертом. Она убеждала себя, что любовь означает не подчинение, а драгоценный дар и даже письмо от любимого может стать чудесным подарком. Письма Герберта раз от разу делались более газетно-официозными, более велеречивыми, Ольга предпочла бы другой тон. Однако письма от него были подарком, счастьем. Что ж, если такой он, Герберт.

13

Герберт писал о плавании к берегам Африки, о своей первой встрече с черными, те оказались веселыми парнями, в порту Монровии они ныряли за монетками, которые бросал им Герберт, о потешном водном сражении, которое солдаты устроили на корабле по случаю перехода через экватор, поливая друг друга из ведер, о прибытии в Свакопмунд и о простирающихся до самого горизонта бескрайних песках. Потом он прыгнул в плясавшую на волнах шлюпку и, преодолев бушующий прибой, наконец сошел на берег, и земная твердь еще долго, казалось, раскачивалась под ногами, успевшими привыкнуть к корабельной качке.

Герберт полюбил пустыню с первого взгляда. В южной стороне тянулись песчаные дюны, высокие и круто обрывающиеся в море, величественные и в то же время благодаря своим мягким округлым формам исполненные чувственной красоты. На востоке простиралась равнина, там пески перемежались со скалами, одни пески отливали красноватым, другие серым, а среди песков раскиданы темные лишайники и торчат пучки блеклой жесткой травы, кое-где высятся поросшие кустарником холмы, с виду как огромные венерины бугры. Герберт полюбил сочетание монотонности и многообразия, мелкие различия, которые он подмечал у камней, песков и растительности, полюбил извилистые долины, распадки и причудливые горки, которые вдруг вырастали откуда ни возьмись... Пустыня всегда оставалась безлюдной и просторной. Раньше Герберт даже не представлял себе, что на свете есть это царство раскаленного песка, пылающего солнца и дрожащего знойного марева. И о том, что великолепие пустыни бесконечно, оно всегда с тобой, хоть один день скачи, хоть два или три – оно не кончается.

Потом рота прибыла на станцию железной дороги, там надо было дожидаться подвоза снаряжения и провианта. Герберт обрадовался, увидев узкоколейку, и даже проехал немного на поезде, который с мучительным трудом тащился в гору, зато вниз с горы помчался, словно настоящий экспресс. Иной раз он замечал черные грязные фигуры перед грязными хижинами или успевал увидеть проворных молодчиков, мигом убегавших при приближении солдат; посланные вдогонку отряды нигде не могли отыскать беглецов. Он видел и женщин с короткими курчавыми волосами и толстыми губами. Иногда оказывалось, что черные фигуры, сидевшие в кустах или среди скал, не негры, а павианы.

Однажды вечером Герберта отправили в дозор, выяснить, что за зарево алеет вдалеке. Он увидел горящую степь: облака багрово-серого дыма клубились над охваченными огнем травой и кустами, в небо взлетали снопы искр. Он поскакал назад, в лагерь, но лагеря не нашел. Когда лошадь выбилась из сил, он, поняв, что надо дожидаться утра, заночевал в степи. Он слышал жалобный вой шакалов, похожий на скулеж собак или детский плач. Шакалы, рыская в поисках добычи, учуяли Герберта и подходили все ближе и ближе, наконец их скулеж и вой окружили его со всех сторон, точно стеной, сердце у него сжалось, он впервые изведаль страх. Герберт схватил ружье, встал, выпрямившись во весь рост, и долго вглядывался в темноту ночи, каждую минуту ожидая нападения шакалов, – их вой не умолкал, а еще, как знал Герберт, можно было ожидать нападения леопардов и гереро, тех самых, с кем он приехал воевать... Но он никого не увидел – ни шакалов, ни леопардов, ни гереро. Он видел лишь ночную тьму, столь непроницаемо-черную, как будто над ним простерся плотный покров, и уже не понимал, внушают ли ему страх внешние опасности или же что-то таящееся в нем самом.

Однако он вовсе не стремился рассказывать Ольге о своих страхах, а напротив, хотел показать себя с самой лучшей стороны. «Знаешь, что мы делаем здесь, на юго-западе Африки, для вас? Я прочитал в газете, что если мы не подавим взбунтовавшееся черное отребье, дальнейшее выделение финансовых средств на наш военный поход будет расценено как пустая трата денег и тогда будет принято решение продать Британии эту „канцелярскую песочницу“. И ты так же думаешь? Готов возразить: правительству нельзя действовать по-другому, если

оно не хочет предать миссию всех белых народов и причинить вред нашему отечеству. Мы не должны потерять этот земной рай!» Герберт расписывал Ольге благодатный климат Африки, куда как более полезный для легочных больных, чем климат германской родины, писал о своих мечтах – как тут нароют колодцев, разведут плантации табака, хлопка и кактусов, насадят лесов, пробурят скважины, настроят фабрик. Для всего этого необходимо господство немцев. «Черные, – писал он, – подняли мятеж, надеясь захватить власть. Мы этого не допустим. Мы побеждаем ради нашего и ради их блага. Черные – человеческая порода, которая еще находится на низшей ступени культуры, у них отсутствуют наши высшие и лучшие качества, такие как усердие, благодарность, сочувствие, и вообще у них нет никаких идеалов. Даже если они внешне пообтешутся, души у них будут все те же. А если бы они победили, случился бы кошмарный откат вспять в жизни цивилизованных народов». Он писал о дозорах, стычках, преследованиях, о том, как он с криком «ура» мчался в атаку, и о всеобщем ликовании, поднявшемся в войсках, когда пришла телеграфная депеша от императора с похвалой офицерам и нижним чинам.

14

С особой гордостью Герберт описывал сражение при Ватерберге. Десятого августа 1904 года германские войска взяли в кольцо лагерь гереро, стоявший на горе и за горой, ночью кольцо стянули, а утром одиннадцатого августа перешли в наступление.

Рота Герберта двинулась на гереро с юга, она не поднималась на гору, а наступала по равнине. Они сразу оказались под огнем. Искали укрытия за кустами и в распадках, стреляли, выскакивали из укрытий, мчались вперед с криком «ура», опять прятались, опять вели ответную стрельбу, опять бросались в атаку, но уже без криков «ура», короткими перебежками, пригнувшись; через некоторое время они вышли на общую линию с бойцами других частей, затем ждали – такими были первые часы битвы. Когда открыли огонь пулеметы и артиллерия, рота под прикрытием огня продвинулась вперед, однако из-за сопротивления и контратак черных роте опять пришлось залечь в кустах и распадках. Когда казалось уже, что гереро отступают и бегут, вдруг раздавались громкое пение и хлопки в ладоши, это их подбадривали женщины, и тут происходил перелом, гереро останавливали наступление роты и даже оттесняли ее назад. Нужно было отрезать гереро от водоема, но это не удалось ни утром, ни в течение дня. Лишь вечером пулеметы и артиллерия открыли такой плотный огонь, что гереро пришлось отступить от своего водного источника. «Наконец-то источник был в наших руках. Начинало темнеть. Внезапно воспламенился воздушный шар, обеспечивавший радиосвязь нашего генерала, он сорвался с троса и, полыхая, словно огромный факел, медленно уплыл в вечернее небо».

Герберт вместе со всеми стрелял, бросался в атаку, сражался и все-таки не видел ни одного гереро. Он видел своих товарищей – как они сражались и гибли. А гереро – он замечал то пучок черных волос, то ловкие прыжки, когда гереро перемещались от укрытия к укрытию, продвигаясь вперед или отступая, один раз он видел, как гереро забрался на дерево, был подстрелен и кувырком полетел на землю, а один раз видел, как снарядом разнесло черных вместе с термитником, за которым они прятались, и клочья черных тел разлетелись в воздухе. При каждом наступлении он видел убитых гереро и при каждом отступлении – убитых немцев. Но в бою он ни разу не сошелся лицом к лицу с гереро – враги оставались призраками. «Если бы мы могли лучше видеть этих черных дьяволов! Как близко раздавались их голоса! И как трудно все-таки было увидеть их и поймать на мушку».

При захвате водоема немцы потеряли слишком много сил, не могли продолжать сражение, и гереро бежали на восток, угнав и свой скот. На другой день немцы пустились в погоню, и Герберт в ней участвовал. У дороги лежали умирающие и раненые, старики и дети, которые не могли уйти со всеми и теперь умирали от голода и жажды, скотина редела от голода и жажды. Многим телятам, овцам и козам гереро перерезали глотку, чтобы напиться крови. В водных источниках было слишком мало воды, беглецам ее не хватало. Преследователям и по давню воды не осталось, так что пришлось повернуть назад.

Ни разу Герберт по-настоящему не столкнулся с гереро. В бою их удерживали в отдалении пулеметы. После боя было достаточно ружейных выстрелов, чтобы не подпускать их близко и не дать им подойти к источникам воды на краю песчаной пустыни, куда они бежали и где в конце концов тысячами умирали от голода и жажды...

Потом Герберт заразился тифом и долго пролежал больной, а когда выздоровел, его направили в караульную службу, позднее он снова стал выезжать в дозоры и участвовать в стычках и погонях. Если выдавались свободные часы, он охотился на фазанов, дроф и голубей, козлов, генетт, дикобразов, павианов, гиен, шакалов и леопардов. Два Рождества встретил он с товарищами в Африке. Из консервных жестянок они навыврезали звезд, украсили блестящими

жестянками куст верблюжьей колючки вместо рождественской елочки и спели «Тихую ночь, святую ночь»¹³. Все у них было душевно.

Иногда Герберту приходилось караулить пленных, и он задавался вопросом: можно ли воспитать гереро для использования на работах или все-таки стоит заменить их машинами. Ближе всего он видел гереро и лучше всего понял, что они чувствуют, когда после битвы при Ватерберге, во время преследования убежавших наблюдал, как они мучаются и умирают. Но они подышали вместе со своим скотом и сами подышали, как скот, они лежали на земле, а Герберт свысока смотрел на это, сидя верхом на коне.

¹³ Одно из самых известных и широко распространенных по всему миру рождественских песнопений; автор слов Йозеф Мор, музыка Франца Грубера; создано в 1818 г.

15

Увидевшись с Гербертом после его возвращения из Африки, Ольга была так рада встрече, что не спрашивала о тех жестокостях, про которые читала. Однако и слушать о битвах и стычках, дозорах и погонях ей вскоре расхотелось. И о бескрайних просторах, о знойном мареве, о миражах и радугах, о багровом зареве и дымных клубах степных пожаров. И о том, что там однажды будут копать, выращивать, сажать, бурить и строить. «Это все фантазии! А как там сейчас?» Она хотела знать, красивы ли эти черные, мужчины и женщины, как и чем они живут, как относятся к немцам, чего ждут от будущего. Что Герберту понравилось в африканской колонии и что показалось отвратительным и думает ли он, что мог бы там жить? Что после проведенных там двух лет осталось в памяти как самое существенное?

Они сидели на берегу Немана. Ольга собрала все, что нужно для пикника. Герберт взял в аренду лошадь с коляской, они ехали около часа, сначала от деревни до реки, потом вдоль берега, пока не нашли уединенный уголок. Расстелив на траве скатерть, они пили красное вино, ели котлеты с картофельным салатом и говорили не умолкая о всякой всячине, потому что задать вопросы о главном каждый из них пока еще не решался: «Знаешь, тут много чего говорят и пишут... У тебя там была негритянка?» – «Наверное, тебе тут было одиноко, ты нашла себе кого-нибудь?» – «Твои родители подыскали тебе невесту?» – «Что с нами будет дальше?»

Они говорили не умолкая еще и потому, что обоим хотелось отвлечься от уныния, которое окрасило тот день. Серенький он был, солнце мутным светлым кружком маячило за пеленой редких облаков, зелень деревьев и лугов, синева Немана поблекли. Вокруг тишина – ни стука паровозного колеса, ни гусяного гогота, ни голосов вдалеке. Лошадь щипала траву, изредка фыркая, да слышался иногда плеск речной волны.

Ольгу не удовлетворили ответы Герберта. Что он сказал? Немцы находят непривлекательными черных широкозадых женщин, гереро живут как дикари, немцев они ненавидят, но знают, что судьба и будущее их племени в руках немцев. Самое отвратительное, что он там узнал? Болезни: тиф и малярия, желтуха и менингит. А понравились ему – Ольге уже поднадоело об этом слушать, но что ж поделаешь – простор и ширь страны.

– Посмотри-ка на тот берег! – Ольга решила поставить все точки над «i». – Это ли не простор без конца и края? Поля и леса, куда ни взглянешь. Здесь не равнина, зато взгляд так легко скользит по мягким линиям холмов. Не дальше горизонта, конечно. Но ведь и в Африке есть горизонт.

– Слева от холма деревня, за холмом еще одна, шпиль вон там – это колокольня, а если немного отъедем отсюда, то ниже на реке и мост Королевы Луизы увидишь как на ладони. Всюду люди и люди.

– Из-за людей здесь...

– Да! Из-за людей здесь нет простора без конца и края.

– Чем тебе люди-то не угодили? Без людей ничего не было бы.

– Я не против людей. Но они не должны быть везде. Лучше не могу объяснить...

Герберт рассердился, то ли на Ольгин вопрос, то ли на свою неспособность толком выразить свою мысль. Он и сам не знал на что. Но чувствовал себя так, точно его загнали в угол.

Ольге нравилось, когда Герберт чего-нибудь не понимал, не мог объяснить, выразить. Он сильный, его не запугаешь, над ним не возьмешь верх, да, вот такого мужа она и хотела. В то же время вечно чувствовать превосходство мужа – нет, это не по ней, и, значит, ей надо иметь свои козыри. Однако Герберту незачем об этом знать и тем более из-за этого сердиться.

– Когда ты бегал, я смотрела на тебя, и мне всегда казалось, ты можешь вот так бежать и бежать бесконечно. Даль без конца и края... для меня это ты. – Она положила голову ему на плечо. – Ты по-прежнему бегаешь?

– В Африке не бегал. Когда приехал в Берлин, вставал утром в пять часов и бегал в парках Тиргартена. Ни души вокруг не было, кроме меня да одного-двух верховых... – Он обнял Ольгу и потянул к земле, они лежали обнявшись и смотрели в глаза друг другу. – За два года у меня не было женщины, ни белой, ни черной. Я... иногда, оставшись один... Ну, ты сама понимаешь... Но я редко оставался один... а думал только о тебе. Я хочу быть с тобой. И я поговорю с родителями.

16

Он пробыл неделю. Ни в деревне, ни в тильзитской гостинице они не могли поселиться вместе, но на дворе было лето, в школе каникулы, и все окрестные леса и луга были в их распоряжении. «Наша любовь – лесная пташка», – смеялись они.

В последний день они ходили в гости к крестьянской семье, с которой подружилась Ольга. Хозяйство это было маленькое, как все крестьянские дворы в правобережье Немана, на площадке между домом и стойлами играли ребятишки, гордо расхаживал петух, тут же топтались свиньи с поросятами и грелись на солнышке кошки и собаки. Крестьянка Занна и Ольга встретились радостно, как старые друзья, дети не дичились, а вот Герберт чувствовал себя скованно. В своем поместье он приучил себя приветливо разговаривать с батраками и девками, однако здесь ощущал неуверенность перед этой крестьянкой и ее детьми, державшимися скромно, но без тени подобострастия.

Ольга попыталась вовлечь Герберта в свою игру с Айком. Малышу было два годика – белокурый, крепкий, коренастый, он радовался, когда они с Ольгой строили башню из деревянных кубиков, и ничуть не меньше радовался, когда ее разрушал. Они снова и снова строили башню, построив же, ее разваливали. Герберт не захотел сесть на землю и участвовать в игре, он стоял в стороне, смотрел на них и раздумывал об Ольгиных словах: «Вот таким, мне кажется, ты был, когда был маленьким!» Сам он не представлял себе, каким был в детстве. У него осталось от той поры одно-единственное воспоминание – как он нашел в родительской спальне деревянную лошадку на палочке, которую спрятали от него, чтобы потом подарить на день рождения, три года ему тогда исполнилось. Ездить верхом он, когда вырос, очень полюбил, но верхом на этой деревянной палочке невозможно было бегать, так что игрушка не пришлась ему по душе... А теперь вот ему было не по душе это бедноватое хозяйство, и это мельтешение ребятни и животных во дворе, и Ольгины забавы с этим маленьким, горластым, замурзанным мальчуганом. Хорошо хоть к вечеру домой пришел хозяин, который снисходительно внимал восторженным разглагольствованиям Герберта о грядущем освоении Германской Юго-Западной Африки.

Когда они в сумерках тронулись в обратный путь, Герберт спросил, что такого нашла Ольга в этих людях? И Ольга сказала, мол, просто для нее эти люди родные, тогда он покачал головой, но больше ни о чем не спрашивал. Так они и ехали, сидя бок о бок, молча, насупившись, пока впереди не показалась Ольгина деревня. Ольга взяла у Герберта поводья, шелкнула языком, пустила лошадь в галоп и направила по стежке, которая вела через поля к лесу. Герберт был и ошарашен, и заморожен, Ольга гнала повозку по кочкам и буеракам, не разбирая дороги, на ее лице застыло выражение упрямой решимости, волосы развевались. Такой Ольги он не знал! Такой прекрасной и такой чужой.

Они любили друг друга до самого утра, а утром Герберту надо было ехать в Тильзит, в гостиницу, затем на вокзал. Ольга полями пошла домой.

Спустя месяц он приехал с новостями. Он поговорил с родителями, но они пригрозили лишить его наследства, если он женится на Ольге. Виктория познакомилась с офицером, отпрыском старинного обедневшего дворянского рода, молодой человек хочет на ней жениться и стать владельцем поместья. Родители и Герберту присмотрели невесту, сироту, наследницу сахарного завода, мать Герберта нашла, что эта девица сможет нарожать и вырастить кучу детей, а отец говорил, мол, имея два сахарных завода, они с Гербертом со временем создадут настоящую сахарную империю. Скандал вышел, крик и слезы. В конце концов Герберт просто уехал. Одна из тетушек завещала ему кое-какие деньги, их недостаточно, чтобы жениться на Ольге и содержать семью. Но на несколько лет денег должно хватить. А потом – уже скоро, это Герберт знал точно, – он совершит что-нибудь великое, вот только не знал пока, что именно.

Как и своим родителям, Ольге он ничего не обещал, но и ни в чем не отказывал, а Ольга не дожимала его вопросами и не жаловалась. Ведь было еще по-летнему тепло, школьные каникулы, правда, закончились, но на лесную пташку – любовь Ольга и Герберт находили время. Вот только Герберт был рассеян. Он считал, что у Ольги накопилось множество упреков, невысказанных, и за это молчание он злился на нее, но в то же время злился и на себя самого. Он не хотел покориться родителям и не хотел разрыва с ними. Он не знал, как быть. Через несколько дней он и от Ольги просто уехал.

17

На сей раз в Аргентину. Снова было долгое морское путешествие, но теперь он совершал его не с военными, а с немцами, которые отправлялись в эмиграцию или уже были эмигрантами и, побывав на родине, снова возвращались в эмиграцию; здесь были пастор немецкой общины Буэнос-Айреса, представители Баденской анилиновой и содовой фабрики, которые из Аргентины намеревались ехать дальше, перевалить через Анды и добраться в Чили, ученые из Института имени императора Вильгельма, задумавшие повторно пройти по маршруту экспедиции Александра фон Гумбольдта, были, наконец, и просто бездельники, любители приключений и путешествий.

Герберт не остался в Буэнос-Айресе, а сел на корабль, поднялся вверх по Паране, могучей реке, каких он в жизни не видел. Он должен был признать, что аргентинская Парана, пожалуй, превосходит Рейн или, во всяком случае, своей мощью не уступает германскому гиганту. Подступающие к самой воде дикие рощи апельсиновых деревьев и заросли ивняка, длинные узкие рукава и притоки, которым не было конца, – когда уже казалось, что они заканчиваются, они вдруг разливались, превращаясь в широкие тихие озера; на берегах не видно поселений, зато повсюду множество тайн и загадок, порой раздавались крики обезьян и пение птиц, порой воцарялась тишина, не нарушаемая ни единым звуком. Прибыв в Росарио, Герберт поездом поехал в Кордову, он сидел в пустом вагоне, смотрел в окна и по обе стороны железной дороги видел лишь бесконечную равнину. Станции были покинутыми, поезд останавливался, ехал дальше, однако Герберт ни разу не слышал голосов людей. Вдоль железной дороги он много раз видел павших лошадей и коров и больших птиц, терзавших падаль и даже на шум поезда не поднимавших голову. Растущие там и сям деревья были истрепанными или сломанными, над равниной носился резкий холодный ветер, он врвался в вагон, и лицо Герберта обдавало ледящим холодом, он продрог так, что зуб на зуб не попадал.

В Кордове он купил лошадь, запасся провиантом и отправился в Тукуман. В пути он обогнул длинные караваны повозок с высокими колесами и полукруглыми крышами, эти фургоны, нагруженные зерном, тянули шестерки быков. Герберт видел и стада диких лошадей: примчавшись галопом, они некоторое время скакали рядом, потом галопом же уносились прочь. Деревни были маленькие и бедные – несколько домов с красными фасадами и белыми зубцами на стенах. Белизна бесконечных солончаков слепила глаза, а когда поднялся ветер, налетел мелкий красный песок, он проникал сквозь одежду, забивал поры, попадал в глаза, уши и рот. Вечерами Герберт разводил костер и жарил на огне то, что удавалось купить в деревнях или в усадьбах, – курицу, кусок мяса, картошку. Потеплело. И вот исчезла неизменная в своем однообразии бесконечная равнина. Из мглы на горизонте выступили высокие горы, лиловатые, с белыми вершинами. Анды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.